ОТКРОВЕНИЕ ЛОСЕВА

Новое издание «Диалектики мифа»

"ДИАЛЕКТИКА МИФА" — книга известная, как известна, в общем, и её история, а также судьба автора после выхода книги из печати: 3 года в ГУЛаге и длительное поражение в правах. Философа спасло лишь то, что он начал стремительно слепнуть и был "сактирован" с общих работ, а потом и вовсе освобождён. Из всех произведений раннего Лосева она получила, пожалуй, наиболее широкую известность за рубежом, будучи переведённой на многие языки.

И вот теперь в мире философии произошла настоящая сенсация. Вышло новое издание "Диалектики…" с полным корпусом дополнений **(Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к "Диалектике мифа" (новое академическое издание, исправленное и дополненное). Сост., подготовка текста, вступит. статья А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого, коммент. В.П. Троицкого. — М.: Издательский дом ЯСК, 2021. — 696 с.)**. Это, по сути, новая книга (по объёму дополнения никак не меньше основного текста), настоящая бомба, на "заряжание" которой издатели потратили более 20 лет (конфискованные НКВД рукописи великого русского философа были переданы из архивов ФСБ А.А. Тахо-Годи в 1995 году). К тому, что возвращено Лубянкой, добавлено разысканное и восстановленное буквально по обрывкам, по крупицам из самого лосевского архива, в 1941 году попавшего под бомбёжку.

Вскоре, конечно, книге будут посвящены многочисленные рецензии, и нам, по понятным причинам, сейчас невозможно претендовать на окончательную полноту в осмыслении этой новой для нас части лосевского наследия. Поэтому мы рассматриваем данную статью лишь как предварительный штрих, подступ к этой задаче, в котором упрощения неизбежны.

Русский философ Алексей Фёдорович Лосев. Фото 1961 года

Конечно, невозможно отделить дополнения от основного корпуса книги, это понятно. Поэтому наши характеристики естественным образом будут относиться и к Лосеву в целом. При этом мы, разумеется, не будем заниматься ликбезом, пересказывая саму "Диалектику мифа", хорошо известную всем компетентным людям, сосредоточившись преимущественно на корпусе "Дополнений".

Главный, фундаментальный принцип лосевской методологии — принципиальное и очень жёстко проводимое на всех этапах исследования утверждение о единстве того, что он называет "культурным типом". "Культурный тип есть нечто целое. В нём мифология, философия и экономика объединены неразрушимой связью". Для Лосева "чувство исторических стилей" — то, без чего никакое адекватное исследование чего бы то ни было не в состоянии продвинуться ни на шаг.

Если сама "Диалектика мифа" посвящена, так сказать, теории вопроса, то в "Дополнениях" Лосев обращается уже к историческому аспекту проблемы, выстраивая закономерную картину культурно-мифологических (в основе своей, как понятно, — религиозных) типов в их историческом развитии. При этом он более чем обосновано утверждает, что отпадение человека от высшей, абсолютной мифологии, то есть православного христианства, происходит "по тем же самым диалектическим ступеням", по которым происходило его восхождение к ней.

В "антично-средневековом мифологическом мышлении", говорит Лосев, "при всех расхождениях и при всей несоизмеримости христианства с язычеством" присутствуют некоторые общие черты. "Это мышление предполагает полную реальность мифических объектов. Миф реален так же, как и само бытие. Миф самостоятелен, сам себя определяет, не нуждается ни в чём другом, чтобы существовать". При этом "все прочие виды бытия — более абстрактны, более формальны, более пусты". Вера в реальность мифа здесь есть требование объективной диалектики самого бытия (или "непреодолимая диалектическая необходимость"), а не произвольное допущение субъективного сознания.

Качественные изменения происходят в эпоху так называемого Ренессанса, когда на смену антично-средневековому мифологическо-культурному типу приходит новоевропейский, или "возрожденский", в связи с чем Лосев прямо говорит о замене теологии сатаналогией. Человек, знающий о высшем бытии — бытии Божием, но при этом ненавидящий Бога, стремящийся убить Его и занять Его место, является в конечном счёте последовательным сатанистом. Стало быть, именно в сатанизме философ усматривает суть, сокровенное духовное и смысловое ядро либеральной революции в сознании, лишь начатой Ренессансом. "Если с точки зрения либеральной мифологии всякий религиозный предмет есть только идея, то с точки зрения религии, то есть её культурной кульминации в Средние века, всякий либерализм есть сатанизм, сатанинская гордость и путь к ней. Как бы либерал ни считал себя свободным от преклонения перед сатаной, он должен признать, что с точки зрения средневекового авторитаризма он есть слуга сатаны".

Возрожденский культурно-мифологический тип начинает утверждать "права личности" как сугубо земной. Антично-средневековое мировоззрение не знает такой постановки вопроса, поскольку хочет утвердить личность в вечности, в силу чего "получается, что вся реальная жизнь управляется трансцендентными ценностями, что нет ни времени, ни охоты, ни позволения заниматься своей личностью именно как личностью". В своём последнем, высшем выражении это звучит как евангельская максима: "Ищите прежде Царства Божия, а остальное приложится вам".

Противостоит этому взгляду на мир и место человека в нём принципиально новая мифология — "новоевропейское мифологическое творчество", корни которого, как понятно, в Ренессансе. "Это новое либерально-гуманистическое мировоззрение наивно думает, что миф действительно есть только выдумка, что подлинный и полный опыт есть только чувственный опыт". В связи с этим Лосев говорит, что "миф теряет свою субстанцию".

В действительности же мифическое творчество (ярким образцом которого является понятый в широком смысле либерально-гуманистический миф) прекратиться не может. Либеральный гуманизм и либерализм, по Лосеву, отрицает не мифологию вообще, но всякую долиберальную мифологию, то есть, по сути, антично-средневековый онтологизм. Таким образом, начиная с Ренессанса, происходит лишь смена мифологического типа, понижение его, а отнюдь не прогресс. Последний — есть отнюдь не реальность, но составляющая символа веры Нового времени.

В итоге возрожденский и поствозрожденский субъект начинает изживать свои внутренние возможности, проявлять себя в своих многочисленных крайностях, которые Владимир Соловьёв называл "отвлечёнными началами", — рационализме, эмпиризме и т.д. Дифференциация (то есть, попросту говоря, распад, утеря целокупности) происходит уже внутри самого субъекта.

Опустим здесь многочисленные у Лосева весьма выразительные цитаты из К.П. Победоносцева и других классиков русской консервативной мысли, ярко характеризующие всё убожество либерального мировоззрения, и обратимся к следующему пункту лосевских рассуждений.

Если мы имеем тезис — антично-средневековый авторитаризм, где ни о какой "самоценности" человека в отрыве от Бога речь идти не может, и противостоящий ему антитезис — возрожденский и поствозрожденский либерализм, настаивающий на "правах личности" (постановка вопроса, невозможная для Средневековья и Церкви), то, по законам диалектики, на следующем этапе развёртывания диалектической схемы должен произойти некий "синтез" одного и другого. Нетрудно догадаться, что таким синтезом, с точки зрения Лосева, является не что иное, как социализм. "Социализм, — говорит Лосев, — я мыслю как синтез жизни и мысли, в котором снимается антитеза авторитарного и либерального сознания". Если же мыслить в марксистских категориях и говорить здесь об общественных формациях (а марксизм философ очень даже знал и осваивал), то социализм, по Лосеву, есть ни что иное, как "синтез" феодализма и капитализма.

Далее Лосев говорит о том, что если вести речь о реальности, то даже у большевиков не было достаточной последовательности. Иными словами, в их политике присутствовал немалый элемент неизжитого либерализма. Если же быть строго, диалектически последовательным, то при социалистическом устройстве общества, когда были уничтожены все несоциалистические газеты, журналы и т.д., не может быть не только никакой свободы религии (а она провозглашалась хотя бы на словах), но и свободы наук и искусств. Впрочем, ведь и сам либерализм "не всегда сатанел настолько", чтобы, например, полностью отрицать существование Бога…

При помощи виртуозной диалектики Лосев доказывает, что вера большевиков в то, что они являются обладателями абсолютной истины, никак не совместима с признанием ими прогресса. Последний есть как раз достояние либерально-капиталистической цивилизации, в которой принципиально отрицается возможность обладания абсолютной истиной. "Отсутствие обладания приневоливает к исканию этого обладания". Он также демонстрирует, что экономическая жизнь, поставленная на место абсолюта, — есть самый настоящий миф, и что, стало быть, промышленное производство при последовательном "социализме" — есть религиозное действие, религиозный акт, а вовсе не экономика как таковая.

Однако этим отнюдь не исчерпывается новаторство и великая роль Лосева. Если те фрагменты "Дополнений", о которых мы говорили выше, отчасти были известны и ранее, то абсолютно новой и до сих пор неизвестной читателю является глава, посвящённая каббале и каббалистике. Сам Лосев называет эту тему "страшным вопросом, долженствующим дать последнее обоснование решительно всем вопросам, которые у нас поднимались". Он указывает (и диалектически доказывает), что "весь новоевропейский рационализм — каббалистического происхождения". "То незримо таящееся, то неизменное, настойчивое и всесильное действие каббалистического духа низводит человека как раз по тем самым диалектическим ступеням, по которым он поднимался в мире до появления этого каббалистического духа".

Воспроизводить тончайший анализ каббалистических схем, с опорой на книгу "Зогар", представленный у Лосева, мы здесь, конечно, не будем. Скажем лишь о самом главном. В чём же заключается, по Лосеву, сокровенная суть каббалистического учения? Это, при всём виртуозном рационализме каббалы, — обожествление народа Божия, то есть Израиля.

Изначальная роль Израиля как народа мессианского, являющегося абсолютно необходимым в домостроительстве Спасения, заключается в том, что это народ начала. Ожиданием Мессии наполнен весь Ветхий Завет (в дальнейшем прообразовательные места ВЗ, где пророчески свидетельствовалось о Христе, постепенно подчищались талмудистами). Но после отпадения и рассеяния иудаистическая мысль, использовав гностицизм, неоплатонизм и много чего ещё, создала религиозную систему, в которой Израиль, народ Божий, по сути, воздвигается на место Богочеловека, то есть Христа, при отвержении его самого. В этом смысле, говорит Лосев, каббалистика составляет именно религиозную основу новоевропейской "эмансипации человека от Бога", начатой Ренессансом. Каббала играет роль духовно-религиозного начала и в либерализме, и в социализме, и в других "измах" Новой Европы. Либерал или возрожденский гуманист вовсе не обязательно должен быть сатанистом на уровне своего индивидуального сознания. То же касается и любого капиталиста или российского большевика. Но все они, так сказать, реализуют на практике духовный импульс, данный сатанинским, богоборческим каббалистическим духом, духом очень мощным, оказавшимся способным победить вокруг себя всё остальное и инспирировать бурный рост новоевропейской "фаустовской" цивилизации, которая вскоре породила и социализм как своего преемника. При этом философ сразу оговаривается, что наиболее яркие выразители этого духа часто по своему происхождению вовсе не были евреями. Речь идёт о действии именно духа, который в христианской терминологии вполне можно именовать бесовским, а не этноса, как порой примитивно понимают некоторые "патриоты".

Этого в своё время абсолютно не поняли Ленин, Плеханов и другие "марксисты", когда с позиций, так сказать, "чистого" материализма начали беспощадную войну с "богостроителями". Поклонение "народу" как идолу, столь свойственное ещё с XIX века российским либералам, поклонение, подвергнутое беспощадному разоблачительному анализу в знаменитых "Вехах", духовно и идейно подготовило большевизм. Народ, "возвеличенный" и, по сути, возведённый ими на место Христа (что бы при этом кто-то из них ни думал) вскоре стал объектом свирепейшей эксплуатации, и в этом проявилась железная диалектическая закономерность и высшая справедливость истории. Вряд ли нужно здесь напоминать про, так сказать, аналогичные страдания в истории народа еврейского…

Лосев далее говорит, что социализму последует то, что он называет "анархизмом", — мир, в котором абсолютно бездуховный человек обретёт максимальные возможности, наивысшее могущество, что обеспечит ему развитие производства и технологий. Однако сегодняшний "мейнстрим" постхристианского мира, связанный с фактической остановкой "прогресса" и теми технологиями максимального контроля за деятельностью человека, которые берут на вооружение глобалисты, — в силу понятных временных причин остался за пределами внимания Лосева. Что никак не обесценивает всего остального, что мы у него находим.

Что же до христианства и Церкви, то они могут ответить на апостасию лишь одним — апокалипсисом. "Противостоят друг другу две враждебных мифологических стихии, — заключает Лосев, — православная монархия и патриархия, монашество, Церковь и апокалипсис, с одной стороны, и — папство, революция, коммуна и анархия, с другой. Это и есть диалектика социологической сущности после-христианской мифологии. После-христианская мифология только и могла развиваться или по стопам Христа, или по стопам антихриста".

Большая часть новых фрагментов относится к первой части "Дополнений" к "Диалектике мифа", где философ выстраивает то, что мы бы назвали динамической историософской картиной мифолого-культурных, религиозно-исторических типов. Поэтому мы не станем подробно останавливаться на достаточно известной второй части, где он выстраивает то, что сам называет "абсолютной мифологией", которую усматривает, как понятно, в православном христианстве.

Как можно оценить всю эту философию Лосева, что лишь теперь предстаёт перед нами в достаточной полноте?

Лосевский анализ исторического процесса, всего этого развёртывания мифолого-культурных типов, где апостасия, отпадение от "высшей мифологии", то есть православного христианства, происходит "по тем же диалектическим ступеням", по которым происходило и восхождение к ней, представляется нам абсолютно безупречным, но тем не менее вопросы к Лосеву остаются. И касаются они, прежде всего, конечно, проблемы свободы. Показанная им железная диалектическая закономерность, с которой разворачивается апостасия, с которой происходит всё большее понижение мифолого-культурного (религиозного) типа, — может ли быть отменена, побеждена волевым усилием народа, если народ откажется от самовозвеличения, вспомнит о Боге и вернётся на путь смирения и покаяния? Если, как говорит Лосев, для самой Церкви есть лишь два пути: либо сдаться либералам, либо обратиться в сторону исихазма, — то, стало быть, принципиальная возможность выбора всё ещё существует? Возможно ли заново запустить христианскую историю, пусть даже после некой глобальной катастрофы (которая в любом случае неизбежна), вернувшись к задаче, которую не смогли решить ни Византия, ни в конечном счёте наследовавшая ей Россия, — построению исихастской цивилизации? Прямого ответа на этот вопрос у Лосева нет. Быть может потому, что, пройдя через испытание глобальной катастрофой "постсовременности", дать такой ответ предстоит нам?

Владимир СЕМЕНКО

ВРЕМЯ ОБЕТОВАННОЕ

О книге Виталия Аверьянова

Виталий Аверьянов. Ментальная карта и национальный миф. — М.: Издательство Родина, 2021. — 320 с.

СЛОВО "КАРТА" в русском языке, благодаря калькам и метафорическим переносам, в последние годы приросло новыми смыслами. Этим словом теперь принято обозначать весьма разнородные понятия, и оттого книга Виталия Аверьянова способна породить множество истолкований. Тем интереснее разгадывать "картографический" замысел автора.

КАРТА МЕСТНОСТИ

Описать пространство, в котором пребываешь ты сам, частью которого ты являешься — задача весьма и весьма сложная. Здесь не просто "большое видится на расстояньи", здесь недостаточно взора художника, на несколько шагов отошедшего от холста. Картографу необходим орлий взор, необходимо воспарить, чтобы родная земля предстала цельной и во всей полноте. Но когда, охватив очами простор, ты понимаешь, что твоя Родина имеет не только пространственное, но и временное измерение, — задача становится ещё сложнее. Нужно уловить хронотопику отечества — стать географом от истории и историком от географии. Ты — Нестор Летописец, из своей кельи отправившийся за три моря. Ты ведёшь одновременно и летопись, и путевой дневник. Ты ищешь непреходящий образ Родины, пишешь этот образ, словно икону, которая в разные эпохи меняет ризы. Для Аверьянова такой образ — Святая Русь. Это не территория, не исторический период, не государственная формация. Это смысловой кристалл, вокруг которого станут собираться русские земли, русские люди, русские деяния. Это ядро, что будет жить и в Киевской Руси, и в Московском царстве, и в Романовской империи, и в Советском Союзе, и в нынешней России. Святая Русь — это цитадель, которую изо всех сил мы будем отстаивать в Смутные времена. За неё пойдут в бой ратники Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова. Окружённый советский партизан в последней схватке выкрикнет: "Я — Русь! Я — Святая Русь!" Враг стрелял в Россию, но всегда метил пулей в Святую Русь. Жёг наши города, грабил наши селения, но посягал прежде всего на святость. И неминуемо терпел поражение, потому что границы Святой Руси неодолимы. Святая Русь — это "мировая ось, на ней вращается мироздание". Она там, где ждут справедливости, где ждут русского человека. Святая Русь — это русский мир, угодный Богу.

ДОРОЖНАЯ КАРТА

Образ грядущего, которое свершается сейчас. Но это не план, не проект. Это прозрение, это порыв. Путь, на котором ты дотянулся до линии горизонта, она дрогнула, как серебряная струна, и раздалась музыка сфер. Русское будущее — мечта. Но Аверьянов подчёркивает, что это не праздная мечтательность, не пустые грёзы, а творческая воля, которая приносит плоды. Русская мечта — минимум, по Аверьянову, "избавление от погибели", мечта-максимум — "достижение высшей правды". Минимум и максимум нерасторжимы, в минимуме уже заложен максимум, потому что погибель для нас наступает, когда мы лишаемся высшей правды, когда лишаемся горизонта, когда оказываемся в безвременьи, живём в "дне без числа". Время Русской мечты — сложное будущее, грядущее за грядущим. Мы — искатели не обетованной земли, а обетованного времени, алчущие и жаждущие пакибытия.

КАРТА ПАМЯТИ

Наша память не только о былом, но и о будущем. Не только память летописцев, но и память пророков. Пророк говорит о будущем в прошедшем и настоящем времени, потому что оно уже узрено, оно неотвратимо, оно уже длится. Наш язык — сокровищница будущего. Поставь рядом два русских слова и родится небывалый смысл, сблизь две "далековатые идеи" — родится метафора нового мира. Русский тезаурус — смысловой резервуар — подобен живой клетке, которая через свои мембраны пропускает жизнетворные смыслы и задерживает мертвящие — те, что приводят к беспамятству, отрыву от будущего. Русский словарь, русская метафорика бесконечны, это организм, разрастающийся из клетки, неудержимо расширяющаяся Вселенная.

Всё это в совокупности и есть ментальная карта: одновременность времён, нерасторжимость времени, пространства и смыслов. Ни одно русское время не завершилось, не стало прошедшим, русское время всегда прирастает новыми временами, пространствами, озарениями. Потому, как только лишаешься смысла, — откалываются пространства; теряешь территорию — уходит историческое время. Ментальная карта — загадочное пересечение веры, философии, творчества, мифа. На ней поэтическая метафора перерастает в научную категорию и, наоборот, учёное слово облекается в художественный образ. Враг дорого бы дал за эту карту: она ведёт к русскому реактору — неизбывной силе, питающей нашу жизнь. Но считать эту карту, прозреть на ней потаённые тропы может только русское око, компас только в наших руках. Идём на мечту!

Михаил КИЛЬДЯШОВ

ШАХМАТИСТ

Судьба Александра Алехина

КНИГА Светланы Замлеловой **(Александр Алехин. Партия с судьбой. — М.: Эксмо, 2021. — 224 с.)** вышла в серии "Иконы спорта". И это тот случай, когда обязывающе-возвышенное определение "икона" уместно. Сейчас любой второразрядный актёр, выпорхнув на экран, удостаивается эпитетов "великий", "гениальный". В иконы стиля записывают любого, кто попросту прилично оделся или, напротив, вырядился несуразно. И слово истончилось от частого и неуместного употребления. Но здесь оно очень точно характеризует героя повествования — Александра Александровича Алехина — именно так, через "е", а не через "ё" пишется его фамилия, что он всегда подчёркивал.

Стоит отметить, что в этой серии вышло около пяти десятков книг, получилась этакая сборная мира — лучшие спортсмены, представители разных видов спорта, разных стран. Здесь и наши Эдуард Стрельцов, Александр Кержаков, это и Зидан, и Макгрегор, и Марадона, и Гретцки, и Фуркад. В этом ряду Алехин стоит особняком. В отличие от своих собратьев по серии, сильных, натренированных, мускулистых, он интеллектуал, сила, энергетика, мощь его — иная.

Аннотация книги интригует: чтобы раскрыть загадку этого шахматного гения, "в работе использовались материалы, ранее на русском языке не публиковавшиеся", "Алехин является феноменом, прославившим русскую шахматную школу", "единственный чемпион мира, умерший непобеждённым".

Светлана Замлелова предупреждает, что не разбирает шахматные турниры, не анализирует сыгранные партии, а повествует о человеке, прожившем непростую жизнь, всю посвящённую этой неисчерпаемой игре. У гениев судьба, наверное, всегда непроста. Они, как правило, перфекционисты, стремящиеся к совершенству в деле, которым занимаются, а это всегда непросто. Гений порой непонятен окружающим, не вполне удобен в общении, а он, в свою очередь, не всегда принимает несовершенство мира, и своё недовольство выражает. Приводятся отзывы о нём людей разных, и они — весьма противоречивы. Одни характеризуют Алехина как человека добродетельного, щедрого, отзывчивого. А кто-то отзывается как о несносном, угрюмом, раздражительном. Но все отмечают его гениальность.

В чём исключительность Алехина, помимо его мастерства в игре? "Современники Алехина предсказывали скорое умирание шахмат как исчерпавшей себя игры. Точнее, исчерпавшей себя считалась шахматная теория… Так, Ласкер уверял, что шахматы ограничены, что однажды все шахматные комбинации будут познаны, а массы любителей приобщатся ко всем тайнам игры… Ласкер, а за ним и Капабланка заговорили о "ничейной смерти" шахмат, о необходимости пересмотра правил. Но именно против такого преклонения перед теорией, перед уже прописанными и не раз игранными партиями восставала русская шахматная школа в лице Чигорина и Алехина. В противовес тем, кто находил удовлетворение только в победе как таковой, Алехин видел цель игры в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматы вровень с другими искусствами.

К сожалению, интерес к шахматам снижается и у нас в стране, и во всём мире. К сожалению, потому что шахматы — гимнастика для ума, развивающая интеллект, логику, приучающая к размышлениям, к принятию решений, дисциплинирующая человека. Возможно, потому "в СССР и США, а также в некоторых странах Европы шахматы имели всестороннюю поддержку, вплоть до государственной", что тогда было противостояние двух систем, обеим сторонам нужны были люди мыслящие, умеющие находить нестандартные решения, эти решения принимать. Шахматы этому учили. А когда СССР и систему социализма уничтожили, то и победившая сторона несколько расслабилась, в хорошей интеллектуальной форме находиться было уже вроде бы и ни к чему.

А уж что касается России… Если даже систему школьного и высшего образования упростили и порушили, то уж взращивать интеллектуалов совсем ни к чему стране, проигравшей мировому империализму… Это даже вредно. Греф вон прямо заявляет, что образованные люди опасны для сложившейся системы. "Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания", и как, мол, управлять обществом, где люди умны? Тем более проблематично, когда люди-то умны, а правители — не очень. От слов — к делу, вот "глава Сбербанка Герман Греф объявил лучшие отечественные физико-математические школы "советским пережитком" и сообщил, что "стране они не нужны". А ведь математика структурирует мышление, как и шахматы. Получается, и шахматисты — опасны?

С кем дружил Александр Алехин, где играл, какие принципы отстаивал; лживые "биографы", наветы и домыслы… Почему до сих пор, через 75 лет после смерти (Алехин скончался в 1946 году) вокруг его фигуры, самого его ухода из жизни идут разговоры и споры? Биография насыщенная, в чём-то даже авантюрная. Гениальный шахматист, начавший блистательный шахматный взлёт. Успех, звание гроссмейстера в юном, можно сказать, возрасте. И революция, гражданская война — не до шахмат. Возобновление участия в турнирах. Уехав на турнир в Германию, оказался на вражеской территории — началась война. Интернирован, добирается на Родину с неимоверными трудностями! Служба в армии, награды. Вступление в масонскую ложу. Продолжение шахматной карьеры, отъезд на юг России, обвинение в антисоветской деятельности, арест, едва не приведший к расстрелу. Работа следователем (по образованию Алехин — юрист), отъезд за границу…

Книга, которую сама автор называет повестью, не имеет сюжета в обычном понимании. Субстанцией, скрепляющей рассказ о шахматисте, его судьбе, являются приведённые размышления: что им двигает, что его волнует (к примеру, как его потрясла фултонская речь Черчилля: шахматист прямо сказал, что мир обезумел и двигается к новой войне). В чём природа неуспокоенности человека и его несогласия со всеми уже согласившимися, например, с тем, что шахматы себя исчерпали.

Читая книгу, понимаешь и трагедию отдельного взятого человека — Алехина. А через это — и трагедию людей, в чьи судьбы беспардонно вмешивались обстоятельства или исторические события, ставшие большим благом для целых народов, но в жизни конкретного человека сыгравшие роковую роль…

Актуальна ли ныне книга о шахматисте? Не дела ли это давно минувших дней? Но гений интересен и познавателен всегда. Судьба гения — это урок и назидание: "Цель человеческой жизни и смысл счастья заключается в том, чтобы дать максимум того, что человек может дать. И так как я бессознательно почувствовал, что наибольших достижений я могу добиться в шахматах, — я стал шахматным маэстро". То есть он выбрал судьбу-служение, он понимал, что может дать миру то, чего не даст никто другой, именно через шахматы. Хотя жизнь шахматиста и кочевая (турниры, конференции), а потому не вполне устроенная, в отличие от юриста или дипломата, кем вполне мог стать Алехин, он был счастлив.

А значит, можно быть счастливым человеком, несмотря на сложности и лишения, можно быть человеком цельным, хотя все говорят о твоей противоречивости. Таким счастливым и цельным человеком был Александр Алехин, потому что он добился успеха в своей партии с судьбой, дал максимум того, что мог дать. И эта книга о шахматисте — не книга-биография гения. Это книга о тайных ходах мировой политики, о хитросплетениях, казалось бы, не связанных между собой событиях и людях. О роли личности.

Случайно ли сейчас в России поставлен мюзикл "Шахматы", написанный ещё в 1984 году, в разгар "холодной войны"? Ведь "мюзикл называют метафорой "холодной войны", с намёком на то, что "холодная война" сама по себе являлась манипулятивной игрой". Случайно ли книга Бжезинского, которая "представляет собой размышления о геополитическом могуществе США и о стратегиях, благодаря которым это могущество может быть реализовано в XXI веке", называется "Великая шахматная доска"? Чтобы не стать пешками на мировой арене, надо уметь просчитывать действия на несколько ходов вперёд. Этому учат шахматы. В Советском Союзе — великой шахматной державе — это умели делать.

Екатерина ГЛУШИК